

Брошенный вызов

Автор:

Линн Грэхем

Брошенный вызов

Линн Грэхем

Любовный роман – Harlequin #466

Топси покинула любящую, но чересчур ее опекающую семью, чтобы пожить самостоятельно и раскрыть тайну своего происхождения. Однако, отправляясь из туманного Лондона в солнечную Италию, Топси не представляла, что работа в поместье немолодой графини принесет ей куда больше, чем она ожидала. Встреча с высокомерным и невероятно красивым графом ломает все ее планы... и переворачивает всю жизнь.

Линн Грэхем

Брошенный вызов

Challenging Dante © 2013 by Lynne Graham

«Брошенный вызов» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Данте Леонетти, международный банкир, известный филантроп и граф ди Мартино для тех, кто обращал внимание на устаревшие титулы, нахмурился, узнав, что его друг детства Марко Савонелли ждет его перед офисом. Должно было случиться что-то очень плохое, чтобы Марко покинул свою маленькую операционную и приехал в светливый деловой центр Милана.

Тонкое, драматически красивое лицо Данте омрачилось. Он провел длинными смуглыми пальцами по роскошным черным волосам. Этот жест выражал тревогу, а ведь Данте славился невозмутимостью. Наверняка визит Марко связан с фондом – они занимались совместным сбором средств на финансирование новейших методов лечения деревенских детей, больных лейкемией. С самого начала Данте предложил покрыть всю сумму из своего кармана, но Марко убедил его, что дипломатичнее будет позволить деревне взять ответственность на себя и предложить свои услуги, чтобы собрать нужные тысячи евро. Поэтому организовывались публичные мероприятия; ближайшим должен был стать бал-маскарад в семейном имении Данте Кастелло Леонетти в Тоскане – торжественный финал всего процесса. Данте предпочел бы сделать большое пожертвование, а не одеваться в костюм из детской пьесы. Он терпеть не мог подобные глупости.

Звонок телефона заставил его вздохнуть, но за много лет работы он привык всегда быть наготове. Однако сообщение пришло не от одного из ассистентов, предупреждающих о возможном кризисе. Это была его любовница, прекрасная Делла. Данте нахмурился, увидев на изображении ее превосходные груди, и нетерпеливо удалил снимок. Ему не нужны грязные снимки в телефоне, он не подросток. Вероятно, пора расстаться с ней. Его совершенно не возбуждала перспектива искать новую любовницу, однако Делла ему наскучила, особенно ее тщеславие и жадность.

Мрачные размышления сменились искренним теплом в необычных зеленых глазах Данте, когда он пересек просторный офис, направляясь навстречу Марко Савонелли, крепко сбитому мужчине, полной противоположности Данте по характеру – Марко редко видели без улыбки. Однако сегодня он не улыбался; напротив, его выразительное лицо было необычно напряженным и тревожным.

– Извини, что приходится тебя беспокоить, – неловко начал Марко, чувствуя себя как рыба на берегу в роскошной обстановке. – Я не хотел...

– Расслабься, Марко. Присядь, выпьем кофе, – предложил Данте, указывая на мягкий диван.

– Я и не представлял, в каком шикарном месте ты работаешь, – смущенно сказал Марко. – Подумать только, я считал, что мы достигли вершин роскоши, когда мне установили компьютер...

Кофе появился мгновенно, и Данте сразу приступил к делу:

– Покидать пациентов, чтобы навестить меня – на тебя это не похоже. Что, кто-то украл деньги фонда или что-то такое?

Марко посмотрел на него с ужасом:

– Конечно нет! Это не связано с фондом, и... вообще-то я все равно собирался в Милан, чтобы навестить мою тетю Серафину, поэтому решил заглянуть к тебе, раз уж я все равно здесь.

Данте хорошо разбирался в людях и удивился только тому, что Марко считал, будто такое прикрытие его обманет.

– Правда?

– И раз уж я все равно здесь... – продолжил Марко неохотно, словно готовясь сделать что-то, чего предпочел бы избежать.

Данте пытался не смеяться над очевидностью маневров друга, но продолжение заставило его замереть.

– Ты давно общался со своей матерью?

– Она звонит мне почти каждый день, поболтать, – сказал Данте небрежно, опуская длинные ресницы, чтобы скрыть напряжение во взгляде.

– Правда? Хорошо... э-э... прекрасно... – Марко явно не ожидал такого уверенного ответа. – Но когда ты в последний раз ее навещал?

Данте замер, пытаясь угадать в словах друга тень укоризны.

– Я полагал, что новобрачные предпочтут уединение.

– Конечно... конечно, – поторопился извиниться Марко. – Естественное предположение, даже в их возрасте. И... э-э... прости, если тебя это задевает, хотя ты ничего не говорил по поводу замужества твоей матери, но для тебя оно, наверное, стало неожиданностью.

Понимая, что придется еще час ждать, пока чересчур тактичный друг доберется до сути дела, Данте подавил желание скрывать все свои чувства и решил говорить прямо.

– Не просто неожиданностью – я был в шоке, – честно признался он. – И встревожен. Не только внезапностью решения, но выбором мужа.

– Однако тогда ты ничего не сказал, – застонал Марко. – Если бы ты только открылся мне, Данте!

– Моя мать страдала, живя с моим покойным отцом. Он был мерзавцем. Но я не сказал бы об этом никому, кроме тебя. Однако я последний, кто имеет право критиковать ее жениха или вмешиваться в ее попытки найти наконец счастье.

Марко заметно расслабился, его добрые карие глаза наполнились сочувствием.

– Понимаю.

Хмурясь, Данте вспоминал внезапное решение овдовевшей матери выйти замуж за Витторе Равалло. Свадьба состоялась всего два месяца назад. Равалло был бизнесменом-неудачником и известным дамским угодником; у него не было ни гроша, а София, графиня ди Мартино, владела огромным состоянием. Их брак казался поступком импульсивным и непродуманным. Однако Данте, как преданный и любящий сын, оставил свои сомнения при себе. Если понадобится, если окажется, что брак его матери действительно ошибка, подумал Данте, он вмешается, чтобы защитить мать, но пока что не лез не в свои дела. Но сдержанность давалась ему нелегко, особенно учитывая, что молодожены все еще занимали замок Данте в Тоскане, ожидая, пока закончится ремонт в их

новом доме. Из-за этого Данте не возвращался в Кастелло Леонетти с тех пор, как состоялась свадьба.

Марко поджал губы:

- Думаю, тебе стоит навестить ее в ближайшее время. Происходит что-то странное.

- Странное? - едва не рассмеялся Данте.

- Я никогда не прислушивался к сплетням, но мы дружим всю жизнь, и я должен предупредить тебя...

- О чем? - поторопил его Данте сухим тоном, сбивая драматичность начала.

- Ты же знаешь, какой энергичной всегда была твоя мать, - вздохнул Марко. - Но теперь она больше не занимается благотворительностью, не выходит из замка - даже за садом не ухаживает.

Данте нахмурился, не в силах представить, что его активная мать внезапно отказывается от той бурной жизни, которую вела, будучи вдовой.

- Звучит действительно странно.

- И еще ее новая ассистентка...

- Она наняла ассистентку? - изумленно перебил Данте.

- Молодая девушка, англичанка, очень привлекательная и приятная в общении, - напряженно сообщил Марко. - Но теперь она заменяет графиню на благотворительных мероприятиях, и Витторе часто ее подвозит...

Данте застыл; его подчиненные узнали бы в его позе затишье перед бурей, потому что описанное Марко появление в доме молодой красивой девушки вызвало у него ярость. Многие мужчины теряли голову в присутствии молодых женщин, и отчим Данте вполне может оказаться в их рядах. Ради своей матери он надеялся, что если ее брак и развалится, то по менее болезненной причине.

Измены первого мужа уже причинили Софии Леонетти столько боли, что Данте не смог бы выдержать все это снова.

– Между ними роман? – требовательно спросил он, вскочив из кресла и сжимая кулаки.

– Честное слово, не знаю. Доказательств нет, за исключением того, как все это выглядит, – с сожалением признал Марко. – И мы все знаем, что впечатления могут быть обманчивы. Но в девушке есть что-то странное...

– Продолжай, – потребовал Данте хриплым голосом, приходя в ярость при мысли о том, что новый муж матери может так унижать ее в собственном доме.

– Моего отца приглашали на ужин в замке в честь дня рождения Витторе. Он клянется, что на девушке было бриллиантовое ожерелье, которое стоит много тысяч евро.

Оба знали, что отец Марко в таких вопросах не ошибается – он знаменитый дизайнер ювелирных украшений.

– Конечно, это может быть семейное наследство... – признал Марко.

– Но насколько вероятно, что у молодой ассистентки найдется такая вещь или что она возьмет ее с собой? – возразил Данте, отметая его предположение. – Как по мне, с учетом всех обстоятельств бриллианты могут говорить только о дурном поведении!

Но даже если так – что он может сделать? Конечно, придется съездить домой и оценить, что там происходит, а если он найдет подтверждение своим подозрениям, то быстро избавится от девушки с бриллиантовым ожерельем.

Топси проглотила измученный стон: ее сестра Кэт не переставала засыпать ее встревоженными вопросами по телефону. Что за семья, в которой она живет? Пристают ли к ней мужчины? Запирается ли дверь ее спальни?

Сначала Топси чувствовала себя виноватой из-за того, что солгала семье о том, куда едет и с кем живет в Италии. Но внезапно чувство вины растаяло. Они все еще считают ее ребенком? Господи, ей двадцать четыре, у нее докторская степень по математике! Но Кэт, как и две другие старшие сестры Топси, близнецы Эмми и Саффи, просто не хотели принимать, что Топси выросла и живет самостоятельно.

Однако она сбежала из дома и лгала родным про то, где находится, как подросток. Семья считала, что она просто наслаждается долгим отпуском в доме старой школьной подруги Габриэль, которая ее прикрывала.

Со вздохом Топси подавила новый всплеск вины. Сестры так рвались ее защищать, что порой доводили до белого каления. Выйдя замуж за богатых и влиятельных мужчин, они еще больше стремились контролировать каждое движение Топси. Она искренне их любила, даже обожала, но не хотела получить работу в подарок от одного из их мужей и вдобавок выбранного сестрами бойфренда. Она потеряла счет тщательно проверенным мужчинам, которых представляли ей на приемах и ужинах. И парням, с которыми рассталась, потому что они не прошли проверку ее семейства. Либо мужчины хотели ее ради связей ее зятьев в финансовом и деловом мире, либо их отпугивали все сложности, которые к этому прилагались. Хуже того – теперь у нее был свой трастовый фонд, подаренный ей на двадцать первый день рождения всеми зятьями, чтобы она всегда имела независимые средства. Независимые, ха! Она не хотела этих денег, а теперь они еще крепче привязывали ее к миру, в котором Топси чувствовала себя лишней.

Но в глубине души она должна была признать, что приехала в Италию, в это имение, не только чтобы сбежать от семьи. На самом деле если бы кто-то из них узнал, на какой обман она пошла, то пришли бы в ярость. Они не поняли бы, какая сила толкнула ее на притворство – а ведь она никогда в жизни не лгала! А теперь ей приходилось делать это каждый день, глядя в глаза окружавшим ее замечательным людям. Почему она не подумала об этом до того, как пустилась в это приключение? Но ведь она все равно не смогла бы от него отказаться. Даже после всего, на что ей пришлось пойти, чтобы мать раскрыла ей свою тайну, Топси должна была проверить ее слова.

И потому она жила в роскоши в настоящем средневековом замке, который принадлежал семье Леонетти много столетий. Однако великолепные интерьеры выглядели обжитыми и, несмотря на богатое убранство, излучали уют и тепло.

На это ей жаловаться не приходилось.

Топси срезала в саду розы для графини. Превосходный розовый сад купался в лучах солнца, струившемся с ясного синего неба, и Топси радовалась, что на ней только хлопковая юбка и футболка. Витторе, муж графини, худощавый мужчина за сорок со все еще привлекательными чертами и добрыми темными глазами, всегда участвовавший во всем, что касалось его недавно обретенной жены, пересек клумбу и вручил ей особенно красивый цветок.

- Это ее любимый сорт, - пояснил он.

- Теперь вы в них разбираетесь? - поддразнила его Топси, тронутая его вниманием к Софии. - Значит, не зря читали ту книгу про разведение роз?

Витторе тепло улыбнулся, слегка покраснев.

Именно эту картину увидел Данте, когда вышел из-за угла замка, направляясь к боковому входу. По всем традициям соблазнения его отчим протягивал розу хихикающей молоденькой брюнетке. Даже если бы Марко не заронил зерно сомнений в его мысли, Данте заподозрил бы неладное, наблюдая такие приятельские отношения между немолодым мужчиной и юной ассистенткой.

- Витторе... - выдохнул Данте.

Отчим развернулся к нему так стремительно, что чуть не упал в кусты; выпрямившись, он замер на месте.

- Данте, - с несколько натянутой улыбкой поприветствовал он. - Это Топси. Она работает на твою мать.

Топси уставилась на высокого темноволосого мужчину, появившегося из ниоткуда. Значит, это и есть Данте, любимый сын Софии, эгоистичный бесчувственный баловень, который испортил свадьбу матери своей холодностью и стремительным отъездом. Конечно, она видела его фотографию в гостиной Софии, но двумерное изображение не могло передать тот потрясающий

эффект, который производил Данте Леонетти во плоти.

Он был великолепен, от роскошной копны черных волос до подошв ботинок, несомненно, ручной работы. Внушительный темный костюм был идеально подогнан по фигуре. Данте подошел к ней, как хищник к жертве, и Топси моргнула, не понимая, откуда взялось такое сравнение. Данте остановился в паре метров от них, угрожая своим ростом и шириной плеч, напоминая, как неловко, когда ты не слишком высокая. Но ее взгляд приковали его необычные глаза – неожиданно изысканного оттенка зеленого, поразительно светлые на фоне бронзовой кожи, они производили странно тревожное впечатление. У Топси сбилось дыхание.

Тело казалось отдельным от разума, и ее охватывали необычные ощущения. Внезапно ее груди стали удивительно чувствительными, а между ног все неприятно сжалось, заставляя ее свести бедра. Сексуальное влечение? Топси отказывалась в это поверить. Ее никак не мог привлекать мужчина, которого она была настроена ненавидеть всей душой!

Данте пристально изучал миниатюрную брюнетку. Блестящая копна кудрей рассыпалась по ее спине почти до талии. У нее были широкие миндалевидные глаза цвета топленого меда, нежная оливковая кожа и сочный розовый рот на красивом личике сердечком. Несмотря на удивительно маленький рост, ее фигура демонстрировала изгибы Венеры. Аппетитно полные груди натягивали тонкую футболку, а юбка подчеркивала изгиб от тонкой талии к широким бедрам. К изумлению Данте, он немедленно ощутил напряжение в паху, хотя с подростковых лет так сильно не реагировал на присутствие женщины. Что еще хуже, она даже не была в его вкусе – он всегда предпочитал высоких элегантных блондинок. Но очевидно, предательские гормоны имели свое мнение на этот счет, и оставалось только радоваться, что он не снял пиджак.

Топси протянула тонкую руку:

– Топси Маршалл.

– Данте Леонетти. – Сжимая ее маленькую ладонь, Данте практически забыл о присутствии отчима, не сводя изучающего взгляда с улыбающегося лица девушки.

Конечно, она улыбается; конечно, пытается его очаровать! Если она ищет богатого любовника, то Данте в качестве добычи куда лучше, чем Витторе... Эта мысль привела Данте к блестящей идее. Он богат и не женат, а значит, окажется куда более соблазнительной мишенью. Возможно, Витторе пока только думает об измене – Данте был уверен, что мужчина не стал бы заниматься такими глупостями, как собирание роз в саду, если бы уже забрался в постель брюнеточки. Хотя Данте и удивляло то, что между этими двоими еще ничего не случилось, но он видел, что может прервать эти отношения в зародыше и защитить мать. Если он сам проявит интерес к ее помощнице, Витторе придется взять себя в руки и отступить.

– Ваша мать будет рада вас видеть, – заметила Топси.

Ее свободный итальянский удивил Данте.

– Вы говорите по-итальянски?

– Я говорю на нескольких языках, – непринужденно заметила Топси. – Моя лучшая подруга в школе была итальянкой, и мы жили в одной комнате, так что я набралась разговорных выражений.

– У вас похвальное чувство языка, – заметил Данте, впервые заинтересовавшись девушкой. – Какие еще языки вы знаете?

– Французский, испанский и немецкий. Довольно старомодный набор, – сухо заметила Топси. – Жаль, что мне не хватило проницательности выучить русский и китайский. Даже базовые знания могли бы пригодиться.

Данте пожал широкими плечами, направляясь к дому:

– Пока вы живете в Европе, эти языки вам пригодятся.

– Я отведу тебя прямо к матери, – вызвался Витторе, торопясь к каменной лестнице в просторном холле.

– А мне нужно отнести розы, пока они не завяли, – добавила Топси; ее сердце отчаянно забило под взглядом, который бросил на нее Данте, – острым и

совсем не дружелюбным. Да что с ней не так? Почему она ему сразу не понравилась?

Данте стиснул ровные белые зубы. Он у себя дома и много недель не видел мать. Ему не нужны проводники и спутники; их настойчивость немедленно вызвала у него подозрения. Витторе, обогнавший его на лестнице, почти испуганно покосился через плечо сначала на него, а потом на Топси. Это выдавало лицемерие, которое заставило Данте еще больше насторожиться.

Графиня тепло улыбнулась мужу, вошедшему в ее очаровательную гостиную.

- У меня для тебя сюрприз, - напряженно сказал Витторе.

Графиня София вскочила с кушетки, на которой лежала у окна, и воскликнула:

- Данте! Почему ты не предупредил, что приедешь?

- Я боялся, что в последнюю минуту придется изменить планы. - Данте поцеловал мать в щеку и взял ее за руки, оглядывая с ног до головы. - Ты выглядишь бледной, усталой...

Заметив тревогу в глазах женщины, в разговор вступила Топси:

- Графиня все еще выздоравливает после простуды.

- Да, она меня изрядно вымотала, - подхватила ее ложь София, взглядом поблагодарив Топси за удачную отговорку. - Заходи, присаживайся, Топси...

- Думаю, мне стоит заняться работой, - возразила девушка.

- Нет-нет. - Витторе взялся за внутренний домашний телефон, нужный для связи с прислугой. - Сделайте перерыв. Я закажу нам кофе.

Данте молча наблюдал, как Топси садится рядом с его матерью, и неодобрительно поджал красивые губы: графиня обращалась с девушкой как с любимой племянницей, а не как с сотрудницей. Она явно ничего не подозревала. А Витторе топтался рядом с кушеткой, всем своим видом изображая преданного

супруга, которым хотел выглядеть перед Данте. Все трое выглядели как актеры, игравшие для него пьесу, и это будило в нем жгучий гнев. Но что может скрывать от него мать? Они всегда были близки. А теперь он чувствовал – что-то не так.

Глава 2

Топси поднялась, чтобы поставить розы в воду в примыкающей к гостиной гардеробной, а затем, услышав стук, открыла дверь экономке Кармеле, которая принесла поднос с кофе и пирожными. Седая экономка при виде Данте повела себя так, словно вернулся блудный сын и надо немедленно зарезать тучного тельца.

Витторе накрыл стол рядом с кушеткой, чтобы графиня смогла разлить кофе, а Топси, вернувшись на свое место, изучала Данте. Его глаза в обрамлении длинных черных ресниц на узком смуглом лице просто завораживали, признала она – неохотно, потому что такой мужчина вообще не должен был ей нравиться. Он носил элегантные деловые костюмы как вторую кожу и излучал ухоженность, высокомерие и властность, которые напоминали ее зятьев. Наверняка у Данте Леонетти воображение булыжника, и он все оценивает с точки зрения власти, выгоды и денег. Наверняка Данте был бы куда теплее к мужу матери, если бы Витторе Равалло был богатым и влиятельным. Как можно не любить такого милого и ненавязчивого человека, как Витторе?

Но все равно Данте невероятно красив. Казалось бы, Топси уже нагладелась на мужей своих сестер, не менее красивых мужчин. Однако сколько бы она ни пыталась отвлечься, Данте притягивал ее внимание, и она разглядывала прямой как стрела нос, ровные черные брови, высокие скулы и сильную упрямую челюсть с проступающей тенью щетины. К изумлению Топси, ее предательское тело переполняли ощущения, и впервые в жизни она гадала, насколько хорош этот мужчина без одежды. Опустив ресницы, она пыталась прогнать эти неприличные мысли, но все равно отметила внушительный размах плеч, мускулистую грудь под шелковой рубашкой и длинные сильные ноги.

Внезапно Данте повернул голову и встретил ее взгляд. Лицо Топси вспыхнуло румянцем, стыд сковал все тело, и она опустила голову, как смущенная

школьница, и уперлась глазами в место, которое совершенно не хотела изучать: заметную мужественную выпуклость в паху Данте. Как будто мужчина излучал сексуальные феромоны, которые лишали ее ума, так что она могла думать о том, чтобы прикоснуться к нему, обвести пальцами гордый нос, погладить шершавую щеку, благоговейно дотронуться до таких мест, к которым она никогда не прикасалась, но всегда мечтала открыть для себя.

– Прошу прощения. – Данте вскочил и отошел к окну, повернувшись к остальным спиной и впуская свежий воздух в душную комнату.

Madre di Dio... Он не знал, что искушение может быть таким миниатюрным и таким неожиданным; не думал, что внезапное возбуждение может охватить его тогда, когда он, казалось бы, полностью подчинил себе либидо. Что с ним происходит? Почему Топси Маршалл производит такой эффект? Он не страдал от отсутствия секса и не испытывал таких порывов в последнее время. А тут эта маленькая фигуристая брюнетка, намного младше его, не красавица, но сексуальная – невероятно, пугающе сексуальная.

– С тобой все в порядке, Данте? – поинтересовалась его мать.

– Мне просто жарко, – отозвался Данте. – Ты не против, если я прогуляюсь и посмотрю, как идут работы в твоём доме? Мне не мешает свежий воздух.

– Конечно, не против. Возьми с собой Топси, а мы с Витторе пообедаем, – предложила графиня. – Ей нужно поговорить с моим декоратором и проверить, переделал ли он кухню так, как я просила. Не знаю, что бы я делала без ее помощи.

Данте бросил на Топси короткий взгляд:

– Как только мы допьем кофе.

Топси совершенно не обрадовало то, что ей придется отправляться в Каса-ди-Фортуна в обществе Данте вместо Витторе. Она замерла, смущенная, как никогда в жизни. Она боялась посмотреть на мужчину, снова попасть под его чары, под самое сильное влечение, которое она когда-либо испытывала. Как глупо – испытывать такое притяжение к мужчине, которого она не знает и с которым у нее нет ничего общего! Ей совершенно не нужны такие сложности в

жизни; оставалось надеяться, что он просто заехал навестить мать и скоро уедет, вернется к более активной и изысканной жизни в Милане.

Она молча слушала, как графиня и Витторе беседуют с Данте, упоминая недавних посетителей и домашние дела и в то же время уходя от тревожных вопросов сына по поводу ее выдуманной простуды. У всех были секреты, которые скрывали от Данте, но, судя по его хмурому лицу, он чувствовал – что-то не так. И Топси была частью этой сети обманов! Почему она ввязалась в это, не думая, какую опасность ее секрет представляет для остальных? А все потому, что она отчаянно хотела узнать, кто ее отец.

Большую часть жизни она считала, что знает – ее отец красивый футболист Паоло Вальдера, у которого был короткий роман с ее матерью после того, как та развелась с отцом старших сестер-близняшек. Но Паоло обнаружил, что бесплоден, а значит, никак не мог оказаться ее отцом. Топси пришлось приложить немало сил, чтобы вытянуть из матери другое имя. Имя Витторе.

Она нанялась на работу к Софии, чтобы поближе узнать человека, который мог быть ее отцом. И совершенно не подумала, что существование взрослой незаконной дочери может разрушить его новый, очень счастливый брак. Именно поэтому, несмотря на всю симпатию к Витторе Равалло, она не пыталась проверить слова матери и не могла даже представить, как попросить Витторе пройти ДНК-тест. Сейчас его занимали куда более срочные вопросы, и Топси не хотела делать ничего, что могло бы расстроить Софию.

Данте поднялся в полный рост, плавно, как ртуть, несмотря на свои габариты.

– Пойдемте сейчас.

– Не принимай работы в кухне, если они не доведены до совершенства, – твердо сказала София Топси.

– Почему ты не идешь с нами? – непринужденно спросил Данте.

– Не переносу запах краски.

С трудом поспевая за широкими нетерпеливыми шагами Данте, Топси спустилась следом за ним на задний двор замка, где из гаража уже вывели один из образцов его коллекции мощных автомобилей. «Пагани-зонда». Такая же была у одного из зятьев Топси, арабского шейха; еще одно доказательство того, что они с Данте ничуть друг другу не подходят. Роскошь не производила на нее впечатления, хотя она первая готова была признать, что с тех пор, как Кэт стала о ней заботиться, она не знала нужды ни в чем. Ее, младшую в семье, все баловали – возможно, именно поэтому ей пришлось убежать из дома, чтобы повзрослеть.

– Как я понимаю, Витторе везде вас возит, – заметил Данте, когда она села в машину.

– Везде, куда я не могу дойти пешком или доехать на велосипеде, – призналась Топси. – Я не умею водить.

– Это должно затруднять работу, – нахмурился Данте, не скрывая удивления.

– Да, – согласилась Топси, – но ни ваша матушка, ни я не подумали об умении водить во время собеседования.

– Вы могли бы научиться. Я оформлю бумаги, – предложил Данте.

– Я несколько раз провалила экзамен на права у себя дома... и не хочу снова пытаться, – честно призналась Топси.

– Сколько раз?

– Шесть. – Она напряглась. – Мне хватило. У меня плохая координация, и я не ориентируюсь в пространстве. У всех свои слабости, это моя.

– Любой идиот может научиться водить, – решительно ответил Данте, найдя способ хоть в чем-то отвлечь ее от Витторе. – Я научу вас, пока буду здесь.

– Спасибо, не нужно, – возразила Топси.

– Это не предложение, а приказ, – заявил Данте. – Для того чтобы выполнять свои обязанности, вы должны уметь водить.

Топси уставилась через лобовое стекло на величественный пейзаж – машина спускалась по холму в долину, исчерченную рядами кипарисов и рваными зелеными линиями виноградников.

– Я работаю на вашу мать, а не на вас. И не обязана подчиняться вашим приказам.

Длинные пальцы Данте выразительно сжались на руле. Украдкой посмотрев на него, Топси отметила, как напряжено его бронзовое лицо – похоже, он редко сталкивался с прямым отказом. На мгновение она встретилась взглядом с его мерцающими зелеными глазами, и атмосфера наполнилась искрящим напряжением. Топси глубоко, медленно вздохнула, огладила юбку на стройных бедрах и тактично промолчала.

– Расскажите, почему вас приняли на эту работу, – потребовал Данте.

Его спокойствие показалось Топси более угрожающим, чем грубость.

– У меня большой опыт работы в благотворительных комитетах, с волонтерами, на мероприятиях, – ответила она, вспоминая долгое и весьма познавательное лето в Марабане, где ее сестра Саффи занималась благотворительной работой, как и положено жене правителя. – Я также говорю по-итальянски и готова делать все, что нужно. Фактически я выступаю глашатаем вашей матери. Кроме того, я разбираюсь со всеми проблемами в работах по новому дому. У графини очень четкое представление о том, как должна выглядеть каждая комната. А сейчас я занимаюсь организацией костюмированного бала.

Данте стиснул зубы.

– Постарайтесь понять мое удивление: раньше матери не были нужны помощницы.

– Но потом она стала заниматься благотворительностью и вашими обширными садами все свободное время, – несколько сухо заметила Топси. – А теперь ей

нужно время, чтобы отдыхать и быть с мужем. Кроме меня, она наняла еще одного садовника.

Данте упрямо выпятил подбородок:

– Я знаю свою мать.

Мысленно Топси с ним не согласилась. Теперь он был не так близок к семье, ему не доверили новости, которые перевернули всю тщательно спланированную жизнь Софии. Вообще-то ее это тоже не касалось, но Топси не собиралась предавать доверие графини. София была к ней очень добра, и девушка отвечала ей преданностью и поддержкой.

Особняк Каса-ди-Фортуна стоял на вершине холма: квадратное каменное строение, окруженное садом. Раньше в нем жил управляющий поместьем, но потом он построил собственный дом, и София решила переехать в старый особняк вместе с мужем. На дороге выстроились грузовики и фургоны.

Данте вышел из машины, и Топси пришлось спешить за ним следом. Она в очередной раз поразились его росту и размаху плеч и тому, насколько невозможно было его игнорировать. Едва они вошли в холл, как по ступеням сбежал Гаэтано Массаро, возглавлявший ремонт в доме.

– Топси... – Он склонил курчавую темную голову и дружески ухмыльнулся, а затем предложил Данте показать ему дом. Конечно, они были знакомы – не в последнюю очередь потому, что Гаэтано тоже участвовал в сборе средств на лечение ребенка от лейкемии.

В просторной кухне Топси вынула телефон, чтобы сфотографировать сделанное и показать потом Софии. По приказу графини здесь переложили плитку; ее указания были очень строгими, и Топси прекрасно понимала почему. Выйдя замуж и став матерью всего в семнадцать лет, София переехала в родовой замок мужа, где ей ничего нельзя было изменить по своему вкусу. Судя по ее рассказам, отец Данте был домашним тираном и все контролировал. Поэтому Каса-ди-Фортуна – это фактически первый собственный дом графини.

Декоратор присоединился к Топси и проводил ее в гардеробную, где установили подсвеченное зеркало. На всякий случай Топси сфотографировала и его, а затем

задержалась в дверях, наблюдая за беседой Данте и Гаэтано, который выглядел рядом с Данте маленьким, как мальчишка. Однако всего три дня назад она решила, что Гаэтано достаточно привлекателен, чтобы сходить с ним на свидание, и они договорились поужинать в ресторане, принадлежащем его семье. Она нетерпеливо напомнила себе, что ей приятно его общество, а больше от мужчины ничего не нужно – никаких перепадов температуры и дрожи в коленках.

– Покажите мне приемную, – потребовал Данте, и Гаэтано за его спиной закатил глаза.

Топси порозовела и провела Данте в просторное открытое помещение, которое раньше состояло из нескольких комнат. Стеклянные двери от пола до потолка вели на террасу за домом.

– Стиль куда более современный, чем я ожидал, – лениво заметил Данте, посылая дрожь по ее напряженной спине своим глубоким голосом с выраженным акцентом. – Почему-то я думал, что они решат воспроизвести тут восьмидесятые.

– Полагаю, графиня устала жить в прошлом и ищет вдохновения в будущем. – Топси нажала кнопку, и стеклянные двери плавно отошли в стороны. – Она вложила очень много усилий в планирование.

– А сколько вложил Витторе?

– Немного... – Выйдя наружу, в тень крыши, Топси негромко засмеялась. – Его не особенно интересуют интерьеры, но я думаю, он с самого начала понимал – это мечта графини, и не хотел навязывать ей свои вкусы.

– Похоже, вы хорошего мнения о Витторе, – заметил Данте с пренебрежительным тоном, который указывал, что он не разделяет ее мнение.

– Я до сих пор не нашла причин быть плохого мнения о нем, – легко ответила Топси, пытаясь не обижаться на его тон и убеждая себя, что ее это не касается.

Однако, несмотря на все ее старания, Данте умудрялся вывести ее из равновесия и заставить тщательно подбирать слова. Его потрясающие зеленые глаза искрились высоковольтной энергией в солнечном свете, от которого он не прятался, явно куда более комфортно чувствуя себя в полуденную жару, чем Топси. Он выглядел враждебно и угрожающе, и Топси сделала шаг назад. Внезапно его руки сомкнулись у нее на плечах.

От его прикосновения в Топси пробудилась совсем другая энергия, лишая ее контроля над собственным телом и заставляя остро осознавать все происходящее. Секунду она не могла вдохнуть. Груды набухли под одеждой, чувствительные соски затвердели, ее женская сущность жарко запульсировала.

- Что вы делаете? - ахнула она, и руки Данте спустились ниже, смыкаясь вокруг ее запястий.

- То, что хотел сделать с той минуты, когда тебя увидел, - хрипло сказал он, прижимая ее к прохладной стене. - Узнать, какая ты на вкус.

- Не надо, - жалобно попросила Топси, сражаясь со своей слабостью, с искушением податься вперед, навстречу его жаркому мускулистому телу.

Его твердые красивые губы исказила пренебрежительная усмешка.

- Думаешь, я тебе поверю, когда ты так на меня смотришь?

Шокированная тем, что он может предлагать такое и в то же время смотреть на нее с таким презрением, Топси колебалась, не в силах сразу разобраться в странной комбинации желания и отвращения. И эта секунда колебания оказалась фатальной. Данте накрыл ртом ее губы с решительной и жадной настойчивостью, которая прогнала из ее головы все рациональные мысли, словно их и не было. Топси испытывала чувства, которых никогда не знала раньше; обжигающие волны прокатывались по всему ее телу, каждый сладострастный толчок языка вызывал в ней бурю. Жар вспыхнул у нее в паху, соски напряглись до боли, желание пронизывало ее до самого сердца. Топси подалась ему навстречу, и Данте с недовольным рычанием подхватил ее под бедра, приподнял и прижал своим телом к стене. Она была в ловушке - и восторженно жаждала большего.

Ладони Данте скользили по ее спине, обняли лицо, а ее пальцы зарылись в его роскошные черные волосы, наслаждаясь их пружинистой густотой. Его запах заполнил ноздри Топси – чистый, горячий, мужской, с примесью пряного мыла или одеколona. Она жадно вдыхала его.

– Ты слишком маленькая, чтобы делать это стоя, – пожаловался Данте в ее припухшие покрасневшие губы.

Это замечание разрушило чары желания, пробуждая разум. Делать что? Внезапно она осознала, что прижата к стене, обнимает мужчину бедрами, и юбка у нее задрана до пояса. Шок привел ее в себя, как хлесткая пощечина.

– Отпустите меня! – в ужасе воскликнула Топси. – Мы не должны этого делать!

Данте медленно и неохотно опустил ее на пол; Топси торопливо одернула юбку, чтобы прикрыть бедра. Ее приводили в ужас потеря контроля и впечатление доступности, которое она, видимо, производила, раз Данте так себя повел. Она никогда так не дразнила мужчин... Задев случайно животом твердый член Данте, Топси поняла, что он не просто раздражен – он возбужден. Ее лицо вспыхнуло розовым румянцем. Разум говорил, что это всего лишь поцелуй, но никакой поцелуй, никакое прикосновение мужчины никогда раньше не обжигали ее так сильно, и, едва взглянув на него, она почувствовала, как хочет снова оказаться в его объятиях. Вместо этого она дрожащими руками подхватила свою сумку, упавшую на землю, и снова вскинула на плечо.

– На твоём языке это значит «нет» или ханжеское «не здесь, не сейчас»? – с пугающей уверенностью в себе поинтересовался Данте.

– Это значит – нет, никогда. Извините, этого не должно было произойти. Я работаю на графиню. Ей не понравится...

– Поверьте, моя мать уже много лет не беспокоится о том, кто ложится в мою постель, – сухо заявил Данте.

Растерянная и растрепанная, Топси на негнущихся ногах отошла; под жарким солнцем у нее на верхней губе выступил пот. Охваченная ужасом и стыдом из-за внезапно проявленной страсти, Топси рывками втягивала воздух.

– Тем не менее это плохая идея, – рассудительно сказала она. – Я все равно не собираюсь ложиться с вами в постель. Не стоит начинать то, что не закончится к вашему удовлетворению.

– Сегодня я возьму тебя поужинать во Флоренцию, – объявил Данте, как будто она вообще не говорила.

Топси замерла, осознав, что наказание за эту ошибку будет стремительным.

– У меня сегодня свидание.

– Я не делюсь. Отмени его, – потребовал Данте, несколько удивленный ее словами. Он гадал, не потому ли она так неохотно отзывается на его ухаживания, что уже запустила коготки в Витторе.

– Нет, не отменю. Это просто ошибка. Но к вашему сведению, это первое свидание, я никому не изменяла, – с гордостью заявила она.

Данте пожал широкими плечами, словно ее моральные рамки для него не имели значения. Топси еще больше возмутило его пренебрежение.

– Мы оба свободны. Я хочу тебя, ты хочешь меня...

– На минуту помутнения рассудка, – вставила Топси. – Но я рада, что это не зашло дальше.

– Врешь, – негромко сказал Данте.

Топси хотела его ударить, до боли в ладони, и взглянула на него с такой яростью, что Данте отступил. Но ее ярость адресовалась и ей самой. Она приехала в Италию с конкретной целью, и, хотя собиралась наслаждаться свободой общения с мужчинами без присмотра семьи, роман с сыном женщины, на которую она работает, был бы неприличным и унижительным. Она упрямо вздернула подбородок. В этот момент их нашел Гаэтано, который вопросительно посмотрел на нее, словно уловил напряжение в воздухе.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – поинтересовался он у Данте. – Хотите осмотреть верхний этаж?

– В другой раз, – бросил Данте безразлично.

Он всю жизнь знал семью Массаро и видел, что Гаэтано запутается в сетях хитрой Топси. Она использует Гаэтано как прикрытие для романа с Витторе? Если его брак разрушится, Витторе после развода станет богачом. Но если Топси нужны деньги, почему она отказывает Данте, куда более выгодному претенденту? Конечно, Витторе легче поймать, и некоторые женщины предпочитают мужчин постарше. Однако ее поведение все равно задевало Данте. Ему никогда раньше не отказывали.

Топси села в машину, намереваясь всеми силами игнорировать предгрозовое напряжение в атмосфере. Она отказала Данте, и, хотя он был недоволен, решение было правильным. Роман с Данте стал бы катастрофой, даже при том, что она понимает – он не хочет ничего серьезнее короткого сексуального развлечения. Она знала – богатые международные банкиры не встречаются всерьез со скромными ассистентками, разве что те невероятно красивы. Единственное исключение – ее сестра Эмми, которая вышла замуж за своего начальника, греческого миллиардера Бастиана Кристо. Но Эмми и Саффи, королева Задора, могли остановить дорожное движение своей красотой. Топси давно смирилась с тем, что в семье она простушка, потому что не унаследовала от матери ни рост, ни безупречность черт, ни белокурые локоны. Еще в детстве Топси поняла, что ее талант заключается в интеллекте, но что быть умнее окружающих – не столько благословение, сколько проклятие. Это не добавляет популярности, как показал ее опыт в школе, где ее травили.

В сумочке зазвонил телефон, и Топси ответила.

– Это Михаил. Я в Милане, а тебя там нет, – коротко сказал ей зять.

Топси побледнела и замерла в ужасе, совершенно не готовая к тому, что ее прикрытие сорвано.

– Я и не знала, что ты приезжаешь в Италию, – пробормотала она, охваченная нервным напряжением. Михаилу, мужу Кэт, нельзя было лгать безнаказанно.

– Твоя школьная подруга Габриэль призналась, что на самом деле ты в Тоскане. Завтра встретимся во Флоренции. За обедом ты мне подробно расскажешь, что происходит, – без колебаний заявил он, словно Топси была одной из его подчиненных.

– Боюсь, это невозможно, – напряженно сказала Топси.

– Сделай это возможным, – не признающим возражений тоном сказал ее русский зять. – Я пришлю за тобой лимузин.

– Не нужно, я приеду сама, если ты скажешь мне куда.

– Я сам решаю, что нужно. И больше не корми своих сестрей глупостями и не рассказывай моей жене ничего, что ее беспокоит.

Топси с трудом проглотила растущее раздражение, чувствуя себя как собака, которую дергают за поводок.

– Я не стала бы так рисковать...

– Правда? Кэт наверняка расстроится, если узнает, что ты ей лгала, – резко выдохнул Михаил и прервал связь.

Топси глубоко, медленно вздохнула и положила телефон обратно в сумочку. Разгневанный Михаил наверняка будет смотреть на все с точки зрения своей жены, которую фанатично оберегал. Но все равно, что бы он ни сказал при встрече, Топси не уедет из Тосканы. Она вскинула подбородок, мятежная мысль пробудила врожденное упрямство. Однажды ее семье придется примириться с реальностью – она взрослая, свободная, независимая женщина, и если это значит, что она делает ошибки, то так тому и быть! Ее сестры смогли вырасти и познать мир без помех.

– Ты выглядишь расстроенной. Какие-то проблемы? – негромко спросил Данте.

– Нет... не совсем, – напряженно ответила она.

– Семья? – поинтересовался Данте, сворачивая с дороги; острое любопытство заставило его прервать путешествие.

Топси даже не заметила, что машина остановилась, но еще больше напряглась, напоминая себе, что не обязана объясняться.

– Э... нет, старый знакомый, – легкомысленно бросила она, намереваясь сохранить анонимность и убедить своих невероятно богатых родственников впервые в жизни постоять в стороне.

Но по спине все равно уже бежали мурашки. Если Михаил знает, где она, то наверняка приказал все узнать о месте, где она живет. Догадается ли он про Витторе? Да неужели в ее жизни ничего не может оставаться личным? Ее неожиданно охватило чувство отчаянной обиды. Она считала, что сумела ускользнуть из удушающей хватки семьи, но они все равно дотянулись до нее.

– Ты его боишься? – надавил Данте, нахмурившись и наклонившись ближе.

– Конечно нет! – Топси выдавила смешок, хотя на самом деле боялась эмоционального шантажа, которым пользовалась ее семья, чтобы держать ее в узде, – постоянные напоминания, что она обязана счастливым детством и всей своей жизнью их любви, поддержке и преданности. Она единственная избежала пренебрежительной заботы матери благодаря тому, что была младшей. Но может, сестры видели в ней какую-то слабость, которая заставляла их опекать Топси?

Данте пристально изучал эмоции, игравшие на выразительном лице Топси. Они завораживали его, человека, неспособного на выражение эмоций, – как можно выдать столько чувств за считанные секунды? Блестящие темные пряди волос обрамляли ее щеки, залитые румянцем, высокие скулы, и такие же темные ресницы трепетали, скрывая встревоженные янтарные глаза. Конечно, она не поражала красотой, но в ней была мягкость, впечатление честности и уязвимости, которые странно притягивали мужчину, привыкшего к более утонченным и контролирующим себя женщинам... Он поморгал, удивленный непривычной мыслью. Желание снова пробудилось, пронизывая каждый его мускул невероятной силой возбуждением.

– Не боишься, но расстроена, – возразил он, пытаясь сосредоточиться на разговоре. Но его мысли уходили совсем в другую сторону, в фантазии о том, как вся ее явно накопившаяся страсть освободится в его постели и утолит его болезненно сильный голод.

– Нет, я... этот дурацкий звонок... иногда я реагирую слишком сильно. – Топси завораживала сила его изумрудного взгляда, она едва могла дышать от возбуждения. Он действительно невероятно красив.

В машине воцарилась напряженная тишина, и Топси слышала собственное дыхание. Ее сердце неслось, как скоростной поезд, грудь набухла, соски ныли, пугающий жар поднимался между ног.

Данте протянул изящную руку и медленно, обманчиво спокойно вплеl длинные пальцы в ее блестящие локоны, удерживая ее на месте. Они сидели в автомобиле, посреди дня, в месте, где кто угодно может их увидеть и узнать. Однако Данте не хотел признавать, что первобытное стремление подавило его разум, его врожденную осторожность, освободило его от ограничений. Жадный голод рвал его изнутри, словно зверь; пульсация в набухшем паху заставляла притянуть девушку к себе и поцеловать с пламенным жаром, глубоко вонзаясь языком и еще больше распаясь от ответного сдавленного стопа. Данте поднял ее с сиденья и перетянул к себе на колени. Он никогда ничего так не хотел, как горячей и тесной влажности ее тела, и пугающая своей новизной сила этого всепоглощающего желания лишала его контроля.

– Что вы делаете? – ахнула Топси, потерянная в лихорадочном жаре этого страстного поцелуя.

От прикосновений Данте все рациональные мысли, все признаки самодисциплины покидали ее. Она рассматривала его идеально очерченный, широкий, чувственный рот, такой твердый, сексуальный, и дрожала, нуждаясь в большем каждой клеточкой тела.

– Ты сама знаешь, *caro mio*. – Томные зеленые глаза сверкнули под черными ресницами.

Пальцы мужчины скользнули по чувствительной внутренней стороне ее бедер, и ее сердце застучало еще быстрее. «Скажи ему нет», – требовал голос разума, но

Топси не могла бороться с желанием, чтобы Данте продолжал. Разрываясь от противоречивых желаний, она задрожала; бюстгальтер казался слишком тесным для ее чересчур чувствительных грудей, внутренние мышцы, о существовании которых она не подозревала, сокращались от мысли о еще большей близости. Она напряглась, когда его палец проник под кружевную кромку ее трусиков; она понимала, что нужно двигаться, нужно остановить это, сказать, что она не такая. Но сейчас, под руками Данте Леонетти, играющими с ее чересчур отзывчивой плотью, она обнаружила, что как раз такая, и не могла сопротивляться искушению. Трепеща, она смотрела в изумрудные глаза, блистающие, словно драгоценные камни. Данте нашел место, которое искал, и обводил его пальцами, гладил, дразнил, а Топси стонала и пыталась не потеряться в сводящем с ума удовольствии. Но ее тело существовало отдельно от разума, сгорая в новых ощущениях.

- Д-данте... - выдавила она, со второй попытки обретя голос.

- Si... - промурлыкал он, как пантера, притягивая ее голову, чтобы накрыть и без того красные губы яростным страстным поцелуем. - Откажи Гаэтано, но мягко, он хороший мальчик. Сегодня ты будешь в моей постели, обнаженная, жадная, и я удовлетворю все твои фантазии. Кончи для меня...

И умелым движением пальцев он сделал растущий в ней жар сильнее, чем она могла выдержать. Этот всплеск невероятного возбуждения охватил ее напряженное тело, накрывая одной за другой волнами почти невыносимого удовольствия. Топси услышала собственный восторженный крик.

Хотя его тело сводило от борьбы возбуждения и самоконтроля, Данте ощущал себя удивительно удовлетворенным, откинув растрепанную голову на спинку кресла. Он поправил на Топси трусики и юбку. Теперь он пометил девушку, она принадлежала ему, и он готов был признать, что эта женщина вызывала у него больше интереса, чем остальные его любовницы. Он не мог поверить, что у нее могли быть какие-то отношения с Витторе, раз она так отзывалась на его ласки. Dio mio, как она отзывалась!

Шок и стыд овладели девушкой, и она в ужасе соскочила с его коленей, пылая румянцем и зажмурившись. Что она наделала? Что она наделала... Открыв глаза, она заметила другую машину, припаркованную неподалеку.

– О господи, там другая машина! Нас видели! – ахнула она.

Но Данте и бровью не повел.

– Это мои телохранители, не стоит беспокоиться.

– Телохранители? – в еще большем шоке воскликнула она.

– Я никуда без них не езжу. Банк на этом настаивает, – непринужденно заявил Данте.

Прикусив губу, Топси застегнула ремень. «Я шлюха», – сказала она себе. Тело все еще звенело предательским удовольствием, пораженное чувствами, которые вызвал у нее Данте. Но его подход заставил Топси чувствовать себя неопытной девственницей настолько не в своей тарелке, что она даже посмотреть на него не могла. И конечно, она не сможет смотреть в глаза его телохранителям – они ведь тоже люди и тоже сплетничают. Именно поэтому Михаилу пришлось перевести ее телохранителя Влада на другие задачи, когда он решил, что они слишком «сдружились». До этого Влад рассказывал ей веселые истории из своего опыта, а после Михаил много месяцев дразнил ее роковой женщиной. Однако между ней и Владом ничего не было. Если бы она могла сказать то же про Данте Леонетти!

Глава 3

Данте наблюдал, как Топси сбегает по ступенькам замка навстречу Гаэтано, подъехавшему на своем «порше». Она выглядела невероятно юной и хорошенькой в платье цвета фуксии и на невероятно высоких каблуках, подчеркивавших точеные ножки. Данте стиснул зубы, втягивая воздух. Какая ерунда. Она должна была отменить свидание. От одной мысли, что Гаэтано может ее коснуться, тело Данте сводило напряжением. Однако он не был собственником и часто являлся не единственным любовником своих женщин – это позволяло ему сохранять свою свободу. Может, дело в том, что он еще не уложил ее в постель?

– Это Гаэтано приехал за Топси? – спросила его мать со своего места за обеденным столом, рядом с Витторе. – Надеюсь, он будет хорошо себя вести, не как тот мальчик, Сиккарди.

– Сиккарди? Бруно Сиккарди? – Данте вспомнил одного из их соседей, молодого и красивого плейбоя, известного своей несдержанностью. – Она и с ним встречалась? Проклятье, она времени не теряет!

– Почему бы и нет? – поинтересовалась София. – Она все дни проводит взаперти в нашем обществе, а мы уже старые и неинтересные.

– Говори за себя, – пошутил Витторе. – Я считаю себя таким же интересным, как Сиккарди!

– Что у них произошло? – спросил Данте.

– О, ей пришлось отбиваться – она сказала, что у него рук больше, чем у осьминога, но на этом все и закончилось, – жизнерадостно сообщила София. – Топси просто так не возьмешь.

Но Данте она не прогнала. С облегчением он вспомнил произошедшее, пытаясь подавить раздражение из-за того, что Топси не отменила свидание. Он не привык иметь дело с женщиной, которая не выпрыгивала из кожи, лишь бы угодить всем его желаниям и ожиданиям, но ему это и не нравилось; Данте был уверен, что скоро Топси сменит поведение.

Топси ощущала всю неловкость внимания семьи Гаэтано к их столику. Она уже познакомилась с его мамой, его папой, одной сестрой и двумя младшими братьями – деревенский ресторан содержала вся семья, и каждый с надеждой и радостью наблюдал за тем, как Гаэтано ужинает в компании дамы. Он уже поделился с ней всеми болезненными подробностями того, как его невеста, которую он любил с детства, уехала учиться за границу и влюбилась в другого мужчину, оставив Гаэтано в наполовину построенном супружеском доме.

– Ваша живость напоминает мне... ее, – сказал Гаэтано, явно считая это комплиментом.

Топси посоветовала ему искать женщину, ничуть не похожую на его сбежавшую невесту. Оба быстро успели понять, что ничего, кроме дружбы, у них не получится, и Топси не стоило испытывать чувство вины за отсутствие романтической искры.

- Данте проявлял... эм... внимание, - с усмешкой заметил Гаэтано, - когда привозил вас в дом.

Топси покраснела:

- У нас с ним нет ничего общего.

- Вы думаете о его богатстве и титуле, - задумчиво сказал Гаэтано. - Но не стоит считать, что Данте все давалось легко.

- Разве нет? - спросила Топси, не в силах сдержать любопытство.

Гаэтано поморщился:

- Однажды, когда ему было шестнадцать, мой отец нашел его лежащим у обочины. Его сильно избили - сломали нос, ребра, все пальцы на одной руке. Он не сказал ни моему отцу, ни полиции, кто это сделал. - Гаэтано замялся. - Мои родители всегда считали, что это был его отец, Альдо. У старого графа был отвратительный характер.

Топси побледнела от ужаса, мысленно представляя себе длинные красивые пальцы Данте, и сглотнула, прогоняя тошноту.

- Если так, то в детстве ему пришлось действительно трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/linn-grehem/broshennyy-vyzov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)